

эстетическому воспитанию Союза художников СССР Б. М. Неменский оказывал существенную методическую и организационную помощь в создании Пархомовского музея. С другой стороны, опыт деятельности Лунева подтверждал важность организации эстетического направления в педагогической деятельности Союза художников и объединения вокруг этой идеи деятелей культуры, искусства, педагогики [6, 135–136]. Создавая Эстетическую комиссию при Президиуме Академии педагогических наук СССР, организаторы также включили А. Ф. Лунева в эту комиссию [6, 139]. Пархомовский музей был включен также в программу проведения выездного методического совета 1975 года [6, с. 146] и Пленума Союза художников СССР 1983 года [5, с. 106].

Таким образом, переписка А. Ф. Лунева – важный источник для изучения деятельности уникального сельского музея. Во многом благодаря задокументированным в письмах связям, мы сегодня можем проследить все те сложные вопросы, которые приходилось решать Луневу в процессе создания и организации деятельности музея, который уже в последней четверти прошлого века стал всемирно известным и посещаемым туристами со всего Советского Союза и зарубежья. С 1986 года получил статус государственного, интегрированного в структуру Харьковского художественного музея как автономный отдел. Сегодня он является туристической жемчужиной не только Харьковщины, но и Украины, где хранятся произведения А. И. Иванова, И. Е. Репина, Н. А. Ярошенко, И. И. Шишкина, В. А. Серова, А. Н. Бенуа, К. С. Малевича, ван Дейка, Якоба ван Рейсдаля, К. Писарро, Поль Гогена, П. Пикассо и многих других знаменитых отечественных и зарубежных художников.

1. Афанасій Федорович Луньов. Статті, спогади, документи, матеріали / упоряд. О. Г. Павлова. – Харьков : Тимченко, 2009. – 234 с.
2. Лунев, А. Ф. Пархомовская сокровищница / А. Ф. Лунев. – Харьков : Прапор, 1975. – 40 с.
3. Луньов, П. Ф. Пархомівський історико-художній музей: сторінки історії та сьогодення / П. Ф. Луньов // Скарбниці національної культури : тези доповідей науково-практичної конференції з музеєзнавства, присвяченої 40-річчю Пархомівського історико-художнього музею (1955–1995). – Харків ; Пархомівка, 1995. – С. 4–8.
4. Луньов, П. П. Про епістолярну спадщину з архіву Афанасія Луньова / П. П. Луньов, О. Г. Павлова // Афанасій Федорович Луньов : статті, спогади, документи, матеріали / упоряд. О. Г. Павлова. – Харків : Тимченко, 2009. – С. 72–75.
5. Павлова, О. Г. Професійна майстерня А. Ф. Луньова / О. Г. Павлова // VII Луньовські читання. Музейний колектив і його проблеми : матеріали науково-практичного семінару, 24 березня 2016 року / укл. О. Г. Павлова. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2017. – С. 100–107.
6. Письма к А. Ф. Луневу / сост. О. Г. Павлова. – Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2016. – 320 с. (Серия «Джерелознавчі зошити» : тетрадь 7).
7. Сизиков, В. В. Удивительный человек / В. В. Сизиков // Афанасій Федорович Луньов : статті, спогади, документи, матеріали / упоряд. О. Г. Павлова. – Харків : Тимченко, 2009. – С. 148–149.

Архипова Т. Г.

МЕМУАРЫ К. Н. БРУТЕНЦА «ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Автор мемуаров К. Н. Брутенц – доктор исторических наук, профессор, бывший заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, кандидат в члены высшего партийного органа и советник Президента СССР (03.07.1924 – 14.06.2017) был не только свидетелем, но и непосредственным участником событий второй половины XX в., причем не только в СССР и России. Его мемуары трудно отнести к какому-то одному из их видов – в них есть все: не только обычное в таких случаях повествование, но и исповедальная, оправдательная и обличительная составляющие. Более того, в них много информации научного плана, обобщений и размышлений, обычно не свойственных этому виду источников.

Мемуары вышли в 1998 г. 90-е гг. – время мемуарного бума [1, 3–8], переосмысления установок пропагандистского характера прежних десятилетий и выхода большого количества работ, в которых огульно охаивалось все, что произошло в стране в 1917 – 1990 гг., а Брутенц был причислен к числу апологетов канувшего в лету политического режима. Между тем, он мучительно искал ответы на многие вопросы, в первую очередь на вопрос, почему распался Советский Союз.

Работа более-менее¹ последовательно повествуется о его малой Родине – Баку, о годах учебы, о работе за рубежом и в Международном отделе ЦК КПСС. Прекрасная память, блестящее владение пером, красочные характеристики советских и зарубежных политических и государственных деятелей делают мемуары автора легко и с интересом читаемыми. Уже в год выхода мемуаров не со всеми наблюдениями и выводами автора можно было согласиться, какие-то из них сегодня могут показаться банальными, некоторая часть информации о внешней политике СССР не является

¹ Термин «более-менее» употребляется здесь потому, что автор в разных частях мемуаров периодически возвращается к преждеупоминаемым событиям и фактам.

актуальной. По истечении времени она просто устарела. Этого нельзя сказать о содержащейся в мемуарах информации о Международном отделе. Именно эта часть мемуаров представляет особый интерес для историка, причем не только специалиста по вопросам внешней политики СССР.

Сам мемуарист неоднократно подчеркивает, что не претендует на всестороннее освещение советской внешней политики тех лет, а только вспоминает о том, как она виделась ему тогда и видится на исходе 90-х гг. Вспоминая, он зачастую использует источники, в том числе и из личного архива.

Он пришел в отдел в мае 1961 г. на излете оттепели, после шокового прозрения в отношении Сталина (этому прозрению он посвящает не одну страницу своей работы), когда в аппарате ЦК КПСС возникла потребность не только в партийных кадрах, но и в специалистах – международниках. Он же к этому времени обладал обоими качествами, поскольку закончил истфак Азербайджанского университета, успел поработать штатным лектором в горкоме партии Баку, защитить кандидатскую диссертацию в АОН при ЦК КПСС. Работе в Международном отделе он посвятил более четверти века жизни, начав с должности референта и дослужившись до первого заместителя начальника отдела. Он, по существу впервые пишет об отделе, его структуре и функциях, его людях – ведь работ отечественных историков о нем по известным причинам почти не было, имевшаяся зарубежная литература из-за недостатка информации содержала значительное количество догадок и измышлений. Даже место отдела в партийном аппарате никому из авторов определить не удалось – оно зависело не только от внутренних, но и внешних факторов [2, с. 131].

Ко времени его прихода в отдел влияние КПСС на международное коммунистическое движение значительно ослабло, в том числе и из-за критики культа личности Сталина. В условиях кризиса коммунистического движения стали набирать политический вес партии социал-демократической ориентации, отдел же, возникший в качестве преемника Коминтерна, продолжал направлять усилия на поддержание и развитие связей исключительно с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями. Но и тут было не все гладко. Руководство КПСС категорически отказалось воспринимать идеи еврокоммунизма, возникшие в самых крупных и влиятельных партиях. Брутенц высказывает сожаление, что «в вопросе о подходе к новым явлениям в комдвижении мы в отделе не проявили необходимого упорства» [2, с. 146]. Ну, что же, во время описываемых им событий вряд ли это было возможным. Вряд ли он мог сказать тогда и о том, что КПСС не сумела достойно ответить на призывы итальянских коммунистов демократизировать ее деятельность [2, с. 147].

Международный отдел, уже в силу профессионализма его сотрудников, не мог не принимать участия в обсуждении теоретических вопросов как внутри страны, так и за рубежом при проведении всевозможных встреч самого разного уровня. Так, его сотрудники не могли игнорировать дискуссии о роли и месте рабочего класса в коммунистическом движении. Вспоминая прошлое, он делает вывод, что в те годы замаячила проблема формирования среднего класса, хотя тогда все свелось к констатации расширения границ рабочего класса [2, с. 147–148].

Функции отдела в области связей с компартиями заключались в разных формах финансовой помощи – от прямого финансирования различных мероприятий до подготовки кадров в советских вузах и обучения групп в несколько человек правилам безопасности для охраны руководства. Не «оперившимся» партиям оказывалась помощь в разработке программных документов [2, с. 148–149].

Довольно часто в отделе готовились и направлялись компартиям письма от имени ЦК КПСС. В большинстве случаев они носили информационно-ориентирующий характер. В период разногласий, например, с Китайской компартией, письма носили полемический характер и «ковровые послания» китайцам иногда достигали размеров двух-трех газетных полос. Однако со временем эта форма общения банализировалась [2, с. 149]. Наверное, это было свидетельством серьезности разногласий, с одной стороны, и растерянности верхушки КПСС в сложившейся ситуации, с другой. Демонстрация дружбы, преследующей пропагандистско-информационные цели, носила все более формальный характер, что особенно заметным было при обмене делегациями на разного рода мероприятиях. «Слишком различными были условия в социалистических, капиталистических и развивающихся странах, слишком в разной обстановке действовали, например, КПСС и Французская компартия, КПСС и Компартия Аргентины, КПСС и Компартия Индии» [2, с. 149]. В целом же, в 60-е – 80-е гг. самостоятельность зарубежных партий крепла, и претензии КПСС на гегемонию «все чаще воспринимались ими негативно». Руководители КПСС стали относиться к большинству глав компартий «без особого пиетета» [2, с. 154].

Всевозможные аналитические записки, справки, речи идеолого-пропагандистского характера для партийно-государственных лидеров готовились в отделе и в расчете на внутреннюю аудиторию, поскольку рост влияния средств массовой информации породил потребность в обосновании действий руководства Советского Союза не только за рубежом, но и внутри страны.

Первые попытки установить контакты с социал-демократическими партиями стали предприниматься в 50-х гг, но активизировались они уже в 70-х, стремление к их установлению стало

обоюдным, хотя далеко не все в руководстве партии их одобряли. Автор же мемуаров с некоторой долей удивления отмечает, насколько актуальна в России 90-х гг. точка зрения ряда европейских социал-демократов на рынок и демократию в государственной практике [2, с. 162–163].

Что касается внешней политики СССР, то отдел, несмотря на название, занимался ею куда как реже. Значительно большее влияние на решение вопросов внешней политики в целом оказывали КГБ и МИД. Если с органами госбезопасности отношения были весьма партнерскими, то трения между отделом и МИД, который позиционировался как внешнеполитический отдел ЦК, улаживались с определенным напряжением [2, с. 164–166].

Пишет он и о взаимоотношениях отдела с научными учреждениями; влияние последних на его работу было «не очень большим», тем более что наука скорее была нужна руководству КПСС «для оснащения доводами уже одобренных позиций» [2, с. 168]. Весьма своеобразно относились в аппарате к научным работникам как таковым. С одной стороны, потребность в них была очевидной, их привлекали к работе или брали в штат, а с другой, научная деятельность сотрудников, мягко говоря, не одобрялась и квалифицировалась как «своеобразное хобби бездельников» – считалось: занимаясь наукой, он «отлынивает от своих прямых обязанностей, крадет мозговую энергию, которую обязан сдать полностью цеховскому работодателю» [2, с. 232].

Контакты с социал-демократами стали более тесными с приходом М. С. Горбачева, что увеличило объем работы отдела. В мае 1986 г. было утверждено новое положение о нем. К концу 80-х гг. с КПСС поддерживали связи более 30 социалистических, социал-демократических и лейбористских партий, включая наиболее влиятельные [2, с. 158]. Деятельность отдела при молодом Генсеке стала более творческой и содержательной – его сотрудники пытались подсказывать руководству какие-то новые направления и сюжеты в политике, аргументы в пользу нетрадиционных подходов в международных делах, в отношениях с коммунистическими и социал-демократическими партиями – «В этот период даже разработка идеологического аспекта наших позиций приобрела иной характер» [2, с. 228]. Отдел мог представить Горбачеву записку о серьезных недостатках, отрицательно влияющих не только на внешнеполитическую деятельность государства [2, с. 174].

Расширение задач Международного отдела предопределило его объединение с двумя другими отделами, так или иначе связанными с международными делами: по связям с братскими партиями социалистических стран и заграничных кадров и командировок. Как и все звенья аппарата, отдел прошел через 40-процентное сокращение, но из-за объединения с ним вышеназванных отделов к началу 1990 г. стал насчитывать около 300 сотрудников [2, с. 169–171]. С этого времени отдел стал принимать самое активное участие во внешнеполитических делах, включая разоруженческие проблемы [2, с. 170]. Возросла роль органов госбезопасности. Зачастую поступивший от них вопрос мог быть рассмотрен сразу на Политбюро, в составе которого далеко не все члены были достаточно компетентны в нем. Результатом этого, начиная со второй половины 70-х гг., стало принятие многих непродуманных решений [наиболее серьезным из них он считает введение войск в Афганистан [2, с. 173]. По мнению автора, долгосрочная стратегия внешней политики отсутствовала. Ко времени выхода мемуаров автор подчеркивает необходимость создания координирующей в этом вопросе структуры в РФ [2, с. 174]. Тогда Горбачеву это сделать не удалось, сейчас же в составе Администрации Президента есть Управление по внешней политике [9].

Мемуарист, видимо, в силу принадлежности к партийной элите, дает довольно осторожные характеристики лидерам партии: Н. С. Хрущева он упрекает в непоследовательности разоблачения культа личности Сталина, мягко укоряет Л. И. Брежнева за его контрреформизм, симпатию к Горбачеву он демонстрирует на протяжении всего повествования. Значительное место в мемуарах отведено руководившему более 30 лет Международным отделом Б. Н. Пономареву [2, 189–193], лидеру азербайджанских коммунистов М. Д. Багирову [2, с. 82–86 и др].

Отказавшись от критики конкретных политиков в крахе политики КПСС во второй половине 80-х гг., он, не без горечи, обрушивает ее на интеллигенцию [2, с. 183–187], с чем согласиться довольно трудно, хотя доля истины в его обвинениях есть.

По мнению автора мемуаров, коллектив Международного отдела во многом был похож на обычный советский трудовой коллектив профессионалов. Они были детьми своего времени, в них сочетались патриотизм, преданность партии и (на фоне знакомства с «закулисьем политики») постепенная эволюция мировоззрения [2, с. 235], но мыслей об изменении строя, о покушении на его основы, не было – речь могла идти «лишь об определенной демократизации жизни партии и общества, переводе в русло строгой законности» [2, с. 237]. С огромным сожалением он пишет, что не все его члены нашли себе применение в новых российских реалиях [2, с. 179, 187–188, 196 и др.].

В заключении он отмечает, что выдержать повествование без «гнева и пристрастия» до конца ему не удалось – задуманная как мемуарное свидетельство о времени и о себе в нем, книга превратилась в «суд» над тем и другим» [2, с. 560]. В то же время он протестует против отнесения его к

числу тех, кто глумится над прошлым – это куда как более легкое дело, нежели извлекать из него уроки¹, ведь происходящее в России в 90-е гг. – цена за расставание с ним [2, с. 561].

Окончание написания мемуаров датируется январем 1997 г. Внутри- и внешнеполитическое положение России вызывало у автора тяжелое впечатление. Об этом он пишет с болью и горечью, адресуя свои обвинения политикам, в первую очередь, советским. Россиянам по его мнению, «остается уповать на следующую, новую генерацию политиков – не тех, кто пришел из советских лет, и не тех, кто выпрыгнул на политическую авансцену в послеперестроечные годы. На политиков, возвращенных демократией и неусыпно ею контролируемых. На демократов без кавычек, интеллектуально раскрепощенных и отважных, внутренне свободных, ценящих человеческое достоинство и любящих Россию честной нержавеющей любовью. И только реальная демократия способна «убеждать» политику от политиков, а их – от самих себя». Как напутствие этим будущим политикам звучит пожелание, укрепив отношения с мусульманским миром, став очагом интеграционного притяжения для постсоветских государств, найти в XXI в. достойное России место в мире [2, с. 565]. Что же, это пожелание не утратило своей актуальности и сегодня.

1. Болдин, В. И. Крушение пьедестала: Штрихи к портрету И. С. Горбачева / В. И. Болдин. – М.: Республика, 1995. – 445 с.
2. Брутенц, К. Н. Тридцать лет на Старой площади / К. Н. Брутенц. – М.: Международные отношения, 1998. – 566 с.
3. Гайдар, Е. Т. Дни поражений и побед / Е. Т. Гайдар. – М.: Вагриус, 1996. – 365 с.
4. Ельцин, Б. Н. Записки Президента / Б. Н. Ельцин. – М.: Огонек, 1994. – 415 с.
5. Королев, Ю. А. Кремлевский советник / Ю. А. Королев. – М.: Олимп, 1995. – 320 с.
6. Прибытков, В. В. Аппарат (О работе аппарата ЦК КПСС в 70–80-е гг.) / В. В. Прибытков. – СПб.: АОЗТ «ВИС», 1995. – 221 с.
7. Примаков, Е. М. Годы в большой политике / Е. М. Примаков. – М.: Совершенно секретно, 1999. – 445 с.
8. Рыжков, Н. И. Перестройка: история предательства / Н. И. Рыжков. – М.: Новости, 1992. – 397 с.
9. Аппарат Администрации Президента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/structure/administration/departments>. – Дата доступа: 15.03.2021.

Ходин С. Н.

ВОСПОМИНАНИЯ ИРАИДЫ ОСИПОВНЫ ЦАРЮК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ираида Осиповна Царюк – выдающийся организатор исторического образования и науки, декан исторического факультета Белорусского государственного университета в 1973–1986 гг, доктор исторических наук, профессор

В текущем году несколько дат актуализируют указанную тему. Во-первых, 100 лет подписания Рижского мирного договора, который на два десятилетия разделил Беларусь на Западную и БССР. Во-вторых, 50 лет как не стало одного из известных деятелей БССР, имя которого связано с героической борьбой против угнетения белорусов в Польше Сергея Осиповича Притыцкого. И наконец, исполняется 100 лет со дня открытия Белорусского государственного университета, который стал локомотивом развития высшего образования в нашей стране.

Ко всем перечисленным событиям Ираида Осиповна имеет непосредственное отношение. Сестра Сергея Осиповича Притыцкого, И. О. Царюк (Притыцкая) родилась и провела детство в Западной Беларуси под властью Польши. Она – первая женщина декан в истории БГУ, известный специалист по истории Западной Беларуси. Кроме научных работ, среди которых диссертации, монографии, статьи и тезисы выступлений, она написала две книги воспоминаний, которые посвящены истории освободительной борьбы в Западной Беларуси, истории семьи Притыцких, Белорусскому государственному университету, преподавателям исторического факультета БГУ. Эти книги и ряд связанных с ними интервью подтверждают тот факт, что историю во всех ее составляющих всегда творили люди. Люди, отличавшиеся своей общественной и интеллектуальной креативностью, неравнодушием к своему делу, к профессии, к жизни страны и своего народа [1, 2].

Книги: «От родного порога» (2011 г., летопись страны, написанная через историю одной семьи – семьи Притыцких.) и «Крутые дороги: посвящается Сергею Притыцкому» (2012), где акцент сделан на жизни и деятельности своего легендарного брата, приуроченная к 100-летию со дня его рождения) наполнены ценным фактическим и документальным материалом. Ираида Осиповна уточняет, что помимо документов, «помощниками были моя память, рассказы, воспоминания близких мне людей, друзей, соратников». Эти книги демонстрируют не только её способности к исследовательской работе, но и дар рассказчика, литератора, философа [2].

Биография Ираиды Осиповны – это отражение всех важнейших событий XX века через призму жизни одной семьи, личности. Ираида Осиповна родилась 29 февраля 1928 г. в деревне Гаркавичи Сокольского уезда Белостокского воеводства (сейчас – Польша) в большой и дружной семье

¹ Здесь очевидна его солидарность с В. О. Ключевским.